

А. В. Пионтковский

ЕРЕСЬ И РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА.
НОВАЯ БИОГРАФИЯ ПЕТЕРА ЦВИКЕРА:
VÄLIMÄKI R. HERESY IN LATE MEDIEVAL GERMANY:
THE INQUISITOR PETRUS ZWICKER
AND THE WALDENSISANS (WOODBIDGE, 2019)

История инквизиции в средние века, кажется, достаточно детально изученной темой — как институционально, так и идеологически¹. В тоже время, ряд аспектов организационной деятельности и идейной сферы инквизиторов позднего средневековья остается без должного внимания со стороны академического сообщества. К таковым относится феномен странствующих инквизиторов, не связанных с мендикантами и не имеющих какой-либо тесной привязки с конкретным регионом. Странствующие инквизиторы также не являлись папскими инквизиторами, инициируя инквизиционные процессы самостоятельно, испрашивая на него разрешения у конкретного епископа уже на местах². Деятельность странствующих инквизиторов привела к значительному сокращению общин вальденсов в позднесредневековой Центральной и Восточной Европе. В период Великой Западной схизмы вальденсы становятся едва ли не самым многочисленным еретическим

---

¹ Отдельно стоит выделить серию монографий издательства Boydell & Brewer, совместно с Your Medieval Press «Heresy and Inquisition in the Middle Ages», в которой на данный момент вышло девять томов и к которой принадлежит рецензируемая монография.

² *Kieckhefer, R.* Repression of Heresy in Medieval Germany. Philadelphia, 1979. P. 55–57.

© А. В. Пионтковский, 2019

движением в Европе³. Возможности организации полноценных инквизиционных трибуналов оказались весьма ограниченными в Священной Римской империи рубежа XIV–XV вв., как в силу отсутствия материальных возможностей, так и в силу конкуренции между городскими коммунами и их сеньорами⁴, либо попросту из-за недостатка политической воли. В этой связи, деятельность странствующих инквизиторов становилась одной из наиболее значимых форм противодействия ереси, в силу своей специфики делавшей малоэффективной миграцию еретических групп из региона, охваченного инквизицией. В исследовательской литературе отмечается деятельность трех таких инквизиторов — Петера Цвикера, Генриха Ангермейера и Мартина Амбергского⁵. Наибольшее внимание со стороны историков получил Петер Цвикер, хотя и в его биографии остается много неясного. Монография финского исследователя Рейма Вялимяки является новаторской попыткой исследования деятельности Цвикера, хотя и не ограничивается исключительно этим вопросом, рассматривая гораздо более широкий контекст позднесредневековой религиозности.

Рейма Вялимяки сотрудник университета Турку, основанная сфера интересов которого — исследование позднесредневековой религиозности. В этом отношении, исследователь уделяет значительное внимание изучению и атрибуции полемических трактатов, посвященных ереси и иным аспектам духовной жизни Европы XIV–XVI вв., в том числе с применением математических способов атрибуции. Данные методики применяются исследователем и в данной работе, что позволяет ученому более строго установить подлинность авторства Цвикера в отношении тех трактатов,

---

³ Gordon, L. *Heresy in the Later Middle Ages: The Relation of Heterodoxy to Dissent, c. 1250–c. 1450*. London 1999. P. 449.

⁴ Одной из таких коллизий посвящена недавняя статья Евгения Смелянского. См.: Smelyansky, E. *Urban Order and Urban Other: Anti-Waldensian Inquisition in Augsburg, 1393*, in: *German History*. 2016. Vol. 34. No 1. P. 1–20.

⁵ Исследованию феномена странствующих инквизиторов посвящена диссертация Евгения Смелянского. См.: Smelyansky, E. *Self-Styled Inquisitors: Heresy, Mobility, and Anti-Waldensian Persecutions in Germany, 1390–1404*. PhD. University of California. 2015. Феномен странствующих инквизиторов затрагивается также в недавнем справочном издании: *A Companion to Heresy Inquisitions* / Ed. by D. Prudlo. Leiden/Boston, 2019. P. 150–165.

которые ранее оставались дискуссионными. По этой причине, исследование Вялимяки представляется нам значительным вкладом в историографию не только инквизиции как института, но и в более широкую сферу исследований, касающихся религиозного сознания европейцев в период Великой Западной схизмы.

Работа Вялимяки представляет логически выстроенное изложение, в котором автор, отталкиваясь от идейной сферы и круга чтения инквизитора, переходит к его практическим действиям и далее более широкому контексту религиозной жизни рубежа XIV–XV вв. В первой главе, автор рассматривает противоречивые и весьма скудные биографические сведения о жизни Петера Цвикера. Недостаточность источниковой базы, отмечаемая исследователем, не позволяет с достаточной точностью установить все этапы его жизни. Дата рождения Цвикера неизвестна, предположительное место рождения город Орнета в Восточной Пруссии. Цвикер получил степень бакалавра Пражского университета в 1379 г., перед этим, предположительно, он являлся учителем в городской школе Циттау. Данные официальной биографии резонно вызывают сомнения у Вялимяки, так как к моменту получения бакалаврской степени Цвикеру должно было бы исполниться около 40 лет. Исследователь полагает маловероятной учительскую деятельность Цвикера в 60-е гг. XIV в., так как сомнительно, чтобы он стал изучать базовые университетские предметы, обладая столь значительным опытом преподавания. Автор предполагает, что учительская деятельность Цвикера приходится на более поздний период, после получения им степени бакалавра, в первой половине 80-х гг. В подтверждение своей точки зрения, он приводит сообщение нотариуса Конрада Виценбаха (*Conradus Wiszinbach*), который утверждал, что три года занимался учительской деятельностью в Циттау под руководством ректора Петера Цвикера. Это дает повод для автора сдвинуть дату вступления Цвикера в орден целистинов к середине 80-х гг. XIV в. В тоже время, автор не находит каких-либо подтверждений получения Цвикером магистерской степени, хотя полностью и не отрицает такой возможности. Вскоре Цвикер становится провинциалом ордена в Германии, однако о его деятельности на этом посту практически ничего не известно. Причины, по которым Цвикер был призван к деятельности по преследованию ересей

в начале 90-х гг. XIV также остаются неясными. Исследователь связывает этот факт с общей культурной и религиозной атмосферой, сложившейся в Священной Римской империи и в Богемии в правление Карла IV. Орден целистинцев, как отмечает ученый, был тесно связан с императорским двором. Таким образом, основание целистинской обители в Ойбине должно было восприниматься как усиление императорской власти в достаточно нестабильном регионе. Исходя из этой точки зрения, тот факт, что именно этот орден был выбран в качестве основного инструмента в подавлении ереси, вполне очевиден. Вялимяки резонно полагает, что деятельность Цвикера являлась преемственной по отношению к предшествующим инквизиционным процессам 70–80-х гг. XIV в., а потому должна быть рассмотрена в более широкой перспективе преследования еретиков, организованного пражским архиепископом Яном Йенштейном и другими церковными деятелями. В 90-е гг. XIV в. Цвикер действовал как инквизитор в Щецине, Пассау, а к началу XV в. в Эстергомской епархии, в словацкой Трнаве. Отправка странствующих инквизиторов за пределы юрисдикции Пражских архиепископов, по справедливому замечанию Вялимяки, также должна быть рассмотрена как часть богемской инквизиционной сети, особенно в таких спорных регионах как Силезия, репрезентируя, тем самым, власть поддерживающего инквизитора духовного лица. Исследователь достаточно убедительно показывает организованный и санкционированный высшими духовными лицами Богемии характер деятельности Цвикера (что отличало его от Ангермейера). Деятельность Цвикера обрывается в 1403–1404 гг., очевидно, в связи со смертью самого инквизитора.

Вторая глава посвящена письменным работам Цвикера, попытке реконструировать возможный круг чтения инквизитора и его богословским взглядам. Работа Вялимяки выглядит новаторской также и в отношении выбранного ими для анализа письменного наследия, уделяя внимания не только наиболее значительному трактату Цвикера *Cum dormirent homines* («Когда люди спят»)⁶, но и менее

---

⁶ Этот трактат подвергся детальному анализу в недавней статье Георга Модестина: *Modestin, G. The Anti-waldensian Treatise Cum dormirent homines: Historical Context, Polemical Strategy, and Manuscript Tradition*, in: *Religious controversy in Europe, 1378–1536. Textual transmission and networks of readership* / Ed.

объемному и наиболее спорному в плане установления авторства *Refutatio errorum* («Опровержение ошибок»). Жанр *Refutatio errorum*, как справедливо отмечает Вялимяки, сложно определяем. Анализ структуры текста показывает, что данная работа не задумывалась как широкий полемический трактат, а скорее как перечисление и краткое опровержение учения вальденсов, поскольку в ней отсутствуют характерные для такого рода трактатов отвлеченные риторические приемы. Все это наталкивает ученого на предположение о том, что *Refutatio errorum* был предназначен либо для личного, либо для крайне ограниченного круга читателей. Авторство данного трактата наиболее дискуссионно, в разное время приписывалось различному кругу лиц «из круга Цвикера», однако каких-либо определенных предположений о конкретном авторе, как правило, избегали до выхода работы Питера Биллера в 2001 г.⁷ Развивая выводы Биллера, Вялимяки полагает, что существует достаточно оснований для атрибуции трактата именно Цвикеру. Прежде всего, исследователь указывает на возможную, хотя и весьма неопределенную, ссылку на авторство Цвикера, сохранившуюся в ряде дошедших до нас рукописей: «Должно отметить, что брат Петрус вернул к вере около шести сотен вышеупомянутых еретиков в один год». Исследователь скрупулезно изучил сохранившиеся рукописи и выделил четыре редакции, наиболее полной из которых является сохранившаяся в двух копиях в Гданьском архиве Польской академии наук, а также в Лейпцигской и Аугсбургской университетских библиотеках и в библиотеке университета Пенсильвании. Из географического разброса дошедших до нас рукописей, становится очевидно, что именно первая редакция была наиболее популярной у переписчиков и, как указывает Вялимяки, даже тогда, когда *Cum dormirent homines* и *Refutatio errorum* переписываются в одной рукописи, переписчиками далеко не всегда эти работы осознавались как разные, зачастую конец одного и начало другого трактата никак не маркируются. Подобная ошибка, как указывает исследователь, связана не с небрежностью переписчиков, а с неспособностью отличить два похожих по тематике

by M. van Dussen, P. Soukup. Turnhout, 2013. P. 211–231.

⁷ *Biller, P. The Waldenses, 1170–1530: Between a Religious Order and a Church.* Aldershot, 2000.

трактата друг от друга. В подтверждение этому, он приводит колофон одной из подобных рукописей, вставленный видимо позднее и другой, нежели во всем остальном тексте, рукой, указывающий, что здесь записаны два трактата, но отличить их изначальный переписчик не сумел. Еще одним доказательством автор видит схожесть структуры трактатов.

Тем не менее, Вялимаки акцентирует внимание читателей также и на различиях в этих двух трудах. Во-первых, в *Refutatio errorum* отсутствует опровержение о древности ереси вальденсов, которая, как утверждали ее последователи, отсчитывает свою историю со времен папы Сильвестра I. Цвикер, очевидно, был достаточно хорошо осведомлен об истории движения, поскольку был знаком как с работами, написанными самими еретиками, так и исходил из той информации, которая была получена им лично от перешедших в католицизм братьев. В тоже время, Вялимаки предполагает, что для *Refutatio errorum* и не требовалось упоминание об истории движения, так как компилятивный жанр трактата этого не предполагал. По его мнению, наиболее подробно он выражен в главе о Чистилище. В *Refutatio errorum* упоминается четыре заблуждения вальденсов о чистилище, причем последнее не выделяется автором четко, но подразумевается исходя из структуры текста. Первое из них заключается в том, «что не может быть никакого простительного греха» (*quod nullum sit veniale peccatum*), второе — «когда освобожден от вины, освобожден и от наказания» (*quando dimittitur culpa dimittitur et pena*), третья — «что заступничества, осуществляемые церковью за мертвых, не приносят пользы» (*suffragia ecclesie pro mortuis non prodesse*), четвертая, отчетливо не выделяемая, заключается в убеждении вальденсов о том, что бесполезно хоронить мертвых на кладбищах. Такая же структура, как показывает исследователь, повторяется и в *Cum dormirent homines*, однако более подробно, четвертое заблуждение здесь выводится в отдельную главу. Подобное наблюдение подводит автора к мысли о том, что возможным источником структуры текста для Цвикера являлся трактат предположительно второй половины XIII в. Анонима из Пассау, в котором присутствует небольшая глава о заблуждениях вальденсов относительно Чистилища, так же упоминающая и три заблуждения, к которым Цвикер добавляет четвертое, впоследствии

вынесенное в отдельную главу. Также, по мнению Вялимяки, очевидно заимствования из *Summa contra Catharos et Waldenses* Монеты Кремонского, и в этом плане он соглашается с более ранним утверждением Питера Биллера о возможном использовании Цвикером рукописи Монеты, хранящейся в библиотеке Гарстена. Автор приводит в качестве доказательства сходные трактовки притчи из Первого послания Коринфянам Апостола Павла о проверке огнем оснований веры (1 Кор. 3:12–15), где, по аналогии с изложением Монеты, золото соответствует «наилучшим делам» (*optimi mores*), серебро «более лучшим делам» (*meliores*), а драгоценные камни просто «хорошим делам» (*boni*). Вялимяки подтверждает эту точку зрения и тем фактом, что во всех трех трактатах в отдельных их фрагментах используются не только одинаковые глаголы, но иногда и одинаковые глагольные формы, как, например, в утверждении Апостола Павла в том же послании о существовании будущего покаяния в ином мире, вместо земного, где глаголы во всех трех трактатах поставлены в будущем времени. Кроме того, использование трактата Монеты значительно сужает круг возможных авторов для *Refutatio errorum* и *Cum dormirent homines*, поскольку доступ к нему не мог быть повсеместным. На основе всего вышеизложенного, Вялимяки предполагает, что изначально был составлен именно *Refutatio errorum*, на основе более ранних антиеретических трактатов, доступных Цвикеру, а затем был составлен «*Cum dormirent homines*», очевидной целью которого было заполнение образовавшегося в связи с отсутствием масштабных полемических трактатов антиеретического вакуума. Еще одним доказательством, свидетельствующим в пользу авторства Цвикера, является цитирование в обоих трактатах *De consolatione Philosophiae* Боэция. Несмотря на тот факт, что Боэций был прекрасно известен средневековым авторам, Вялимяки подчеркивает особое внимание, оказываемое Цвикером Боэцию, которого тот цитирует в своем кратком рассуждении о молитве «Отче Наш» *Dicta magistri petri Inquisitoris* («Изречения магистра Петра Инквизитора»). Кроме Боэция, аргументов в пользу авторства Цвикера может служить и ссылка на фрагмент о покаянии на смертном одре из Книги Иезекииля. Исследователь обращает внимание на использование глагола *ingemuert* (он будет скорбеть, оплакивать), которого

нет в оригинальном тексте Вульгаты, однако встречающегося в Декретах Грациана и, вероятно, позаимствованным Цвикером из богемского руководства инквизитору, а не напрямую из Декретов, принадлежавшего ему самому. В *Cum dormirent homines* этот глагол уже отсутствует, поскольку основной целью трактата было предоставить сугубо библейские аргументы против вальденсов, поэтому Цвикер, вероятно сверившись с текстом оригинала, убрал данную неточность. Исходя из труднодоступности всех вышеперечисленных источников для широкого круга читателей, исследователь делает вполне обоснованный вывод о том, что *Refutatio errorum* определенно принадлежал руке Петра Цвикера.

Значимыми представляются наблюдения Вялимяки в отношении отказа Цвикера от использования трудов Отцов Церкви в *Cum dormirent homines*, что является необычайно важным для понимания религиозных представлений Цвикера в контексте его эпохи. Исследователь не ограничивается и дополняет аргументы Биллера о том, что основным мотивом подобного отказа было стремление Цвикера использовать только те источники, авторитетность которых признавалась самими вальденсами. По мнению исследователя, подобный шаг Цвикера всецело вписывается в интеллектуальный контекст позднесредневекового богословия, стремящегося к обращению к оригинальным библейским текстам для защиты католических доктрин в период Великой Западной схизмы. Как полагает Вялимяки, решение Цвикера ограничиться только библейскими сюжетами также могло быть почерпнуто из трудов ряда центрально европейских богословов. Здесь Вялимяки выделяет двух авторов – Конрада Вальдхаузера и Мацея из Янова, чье влияние в Пражском университете было значительным и которые, признавая авторитет Отцов Церкви, в тоже время стремились обосновывать свои аргументы, опираясь на авторитет Библии. Отдельные идеи Мацея были признаны еретическими, вызвавшими несколько процессов против него. Цвикер, как справедливо полагает ученый, не мог не знать об этом, поэтому его желание ограничиться библейскими текстами также может быть объяснено исходя из его неприятия аргументов Мацея и стремления оспорить их «его же оружием». Поэтому представляется весьма убедительной точка зрения автора о более широком полемическом запале *Cum dormirent*

homines, направленном на защиту католической церкви в целом. Таким образом, как полагает Вялимяки, работа Цвикера во многом является отражением позднесредневековой религиозности, чем и объясняется ее популярность. В то же время, стремление Цвикера к использованию сугубо библейских текстов кажется уникальным даже на фоне столь радикальных его современников, как Джон Уиклиф, который, тем не менее, также прибегал к цитированию Отцов Церкви. Стремление Цвикера, как полагает исследователь, базировалось также и на более ранней полемической традиции, утверждавшей необходимость оспаривания еретических заблуждений только исходя из признаваемых авторитетными всеми сторонами источников, позаимствованной инквизитором, в том числе, и у Монеты Кремонского. В то же время, и сами вальденсы неоднократно цитировали Отцов Церкви в подтверждение своих доктринальных взглядов, поэтому Вялимяки полагает, что в своих трактатах Цвикер попросту не желал развивать полемику, касающуюся выборочного авторитета Отцов вальденсами. Цвикер, обвиняя вальденсов в чрезвычайно буквальном толковании Писания, также следует в русле уже установившейся теологической полемики. Инквизитор опирается на кажущиеся противоречия в библейских текстах, такие как фрагменты из Исхода, где Господь предписывает Моисею сотворить двух херувимов (Исход 25:18–20), хотя ранее поясняет: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им» (Исход 20:4). Акцент Цвикера, в данном случае, на шаткость аргументации вальденсов, поскольку их ригоризм представляет Ветхий Завет как крайне противоречивое изложение. Как полагает Вялимяки, Цвикер заимствует этот пример у Монеты Кремонского, но в то же время Цвикер напрямую связывает заблуждения вальденсов с неправильным толкованием Библии. Представляется весьма справедливым отмеченная исследователем практическая черта трактата Цвикера, поскольку Монета более сконцентрирован на схоластическом обосновании истинности почитания образов святых, в отличие от Цвикера напрямую указывающего корни заблуждения. Второй важной для Цвикера темой является законность принесения клятв. Цвикер, в данном случае, отталкивается от неправильного, по его мнению,

прочтения отрывка из Евангелия от Матфея, где используется выражение *non iurare omnino* (не клянись совсем), в то время как еретиками используется выражение *omnino non iurare* (совершенно не клянись), что не тождественно друг другу, поскольку в первом случае это утверждение следует трактовать, как не клянись всеми вещами, но только Богом и освященными им творениями, в то время как вторая фраза налагает полный запрет на клятвы. Как отмечает Вялимяки, в данном случае, Цвикер опирается больше на Бонавентуру, чем на Монету, поскольку именно Бонавентура использует эту словесную игру для высмеивания несведущих в языке еретиков. Таким образом, как полагает исследователь, стремление Цвикера к исключительно библейской аргументации служит для подтверждения католических доктрин и использует уже известные толкования, не ссылаясь при этом напрямую на толкователей. Такой подход Вялимяки сравнивает с работой Ричарда ФицРальфа *Summa de Quaestionibus Armenorum*, направленной против Армянской церкви, отрицавшей авторитет западных Отцов церкви, и в силу чего ФицРальфу пришлось прибегать исключительно к библейским цитированиям, но опираясь при этом на уже существующую доктринальную традицию. Подобный подход был возможен и в случае Цвикера, хотя и нет никаких подтверждений того, что последний был знаком с работой первого. В этой связи, работа Цвикера представляется значительным богословским произведением, достаточно популярным среди позднесредневековых читателей, как образованных, так и не имеющих духовного образования, и следующей в русле установившейся догматической традиции, отстаивающей истинность католических догм.

Третья глава посвящена инквизиторской практике Цвикера и его наследию. Основным посылом Вялимяки в этой главе является утверждение об абсолютно новаторском характере оставленных Цвикером руководств по выявлению ереси вальденсов, не в последнюю очередь в связи с серьезным обновлением знаний о природе заблуждений данной категории еретиков. Материалы процессов, проведенных Цвикером, вкуче с его трактатами были направлены на широкий круг читателей, не только среди инквизиторов, но также и проповедников, сталкивавшихся с ересями повсеместно. Вслед за Питером Биллером, сборник рукописей,

относящихся к инквизиционной деятельности Цвикера и его ближайших соратников, назван Вялимяки *Processus Petri*. Наиболее значимыми манускриптами *Processus Petri* являются *De vita et conversacione* (О жизни и обращении), *Articuli Waldensium* и два списка вопросов для дознания еретиков, один более длинный, другой более короткий. Первая рукопись представляет собой описание религиозных практик вальденсов и их заблуждений, составленная в конце XIV в., очевидно после обращения в католицизм ряда влиятельных вальденсов в 1391 г. Отличительно чертой этой работы, как отмечают исследователи, является почти бесстрастное описание религиозных практик вальденсов без какой либо значительной критики. Работа принимает полемический вид лишь после того, как включается в корпус *Processus Petri*. Вялимяки предполагает, что изначальная версия *De vita et conversacione*, составленная неким анонимом, не ясно инквизитором или новообращенным, могла показаться средневековым читателям весьма противоречивой в том отношении, что описание вальденских доктрин в ней могло показаться достаточно близким к ортодоксальному католическому вероучению, и по этой причине сочинение было пересмотрено в кругу Цвикера в полноценный полемический трактат. *Articuli Waldensium* являются достаточно обширным перечислением заблуждений вальденсов, весьма схожим с письмом Цвикера австрийским герцогам в 1395 г. с перечислением заблуждений еретиков. Авторство этих трактатов достаточно спорно и Вялимяки вносит свое видение в эту полемику. По его мнению, определить точное авторство не представляется возможным, так как все рассматриваемые трактаты составлялись совместно Цвикером и его ближайшим кругом, в первую очередь Мартином Пражским. Длинный список вопросов, обычно приписываемый Мартину Пражскому, содержит цитату из *Consilium* францисканца Якова из Милана, включенного в принадлежащее Цвикеру богемское руководство для инквизитора, а именно вопрос о местах, которые должны были посещать подозреваемые в ереси для получения индульгенций (Рим и Ахен). В то время как краткий вопросник, приписываемый традиционно Цвикеру, несет отпечаток стиля Мартина Пражского, так как по структуре вопросов напоминает вопросник, составленный Мартином в процессе против бегардов в Страсбурге в 1370-х гг. В тоже время, Вялимяки отмечает

очевидные изменения в инквизиционной практике конца XIV в. в сравнении с первой половиной этого столетия. Цвикер и Мартин Пражский особое внимание уделяют доктринальным вопросам, в то время как более ранняя инквизиционная практика выдвигала на первый план дознание о личных связях еретиков друг с другом и об отношении их к местным ересиархам. По мнению Вялимяки, это связано в первую очередь с изменениями в самом окружении инквизиторов — в начале XIV в. им приходилось иметь дело с изначально враждебной по отношению к ним еретической общиной, поэтому на первый план выходило исследование масштабов и личных связей местных еретиков, в то время как Цвикер и Мартин Пражский имели дело с охотно кающимися еретиками. Подобная практика оказывается достаточно распространенной среди инквизиторов рубежа XIV–XV вв., в доказательство этого ученый приводит материалы дела некоего Хенне Рассенейдена, который был допрошен комиссией богословов Гейдельбергского университета в течение нескольких дней с пристальным вниманием к личным религиозным убеждениям обвиняемого. Акцент исследователя на эволюции инквизиционных практик представляется нам одной из наиболее удачных сторон исследования, поскольку в данном случае Вялимяки указывает не только на сведущую в богословии социальную категорию людей – инквизиторов и университетских теологов, но и на более широкие социальные слои, поскольку возросший интерес к толкованию Писания и его спорным моментам был характерен для большей части образованных мирян в позднее средневековье и, несомненно, этот интеллектуальный фон оказывал влияние и на дознание еретиков.

В четвертой главе, автор обращается к проповедническим практикам позднесредневековых инквизиторов. Несмотря на тот факт, что проповеди Цвикера не сохранились, Вялимяки полагает, что ряд проповеднических пассажей в *Cum dormirent homines* могут отражать основные идеи проповедей Цвикера. Исследователь разделяет точку зрения о растущем интересе мирян к религиозным сюжетам к позднему средневековью. В силу этого, процессы против еретиков были также и общественным запросом, исходившим и от мирян в том числе. Присутствие проповеднических моментов в полемических анти-еретических трактатах Цвикера (например,

обращение к еретикам в третьем, а не во втором лице), предназначенных, прежде всего, для духовенства, могло, как отмечает Вялимяки, означать их значимость для компиляции проповедей иными инквизиторами и странствующими проповедниками. Исследователь обращает внимание на сходство структуры проповеди Матфея из Кракова с изложенными в трактатах Цвикера порядками, сводящимися к изложению еретического суждения и опровержению его сугубо по тексту Писания. Еще одним сходством, отмечаемым ученым, является внимание к заблуждениям самих еретиков, которые, зачастую, игнорировались проповедниками, стремящимися максимально демонизировать еретиков перед лицом своих слушателей. В этом исследователь видит отличие центрально европейской инквизиционной практики от английской, где деятельность по борьбе с лоллардами сводилась к их высмеиванию, а не опровержению. По мнению, Вялимяки, к позднему средневековью ересь все более и более осознавалась как пастырская проблема (хотя, как это было отмечено, не везде), которая должна быть изложена и опровергнута публично перед мирянами, чтобы те, в свою очередь, могли добровольно принять решение об отказе от заблуждений. Практика Цвикера могла быть также достаточно приемлемой для проповедующих монахов. В своих обращениях к прихожанам и к австрийским герцогам, Цвикер использует две разные модели саморепрезентации — в первом случае, он позиционирует себя как монах (и воспринимается еретиками как таковой), во втором случае, как провинциал ордена целистинцев.

Влияние Цвикера на церковных интеллектуалов позднесредневековой Центральной Европы прослеживается Вялимяки на примерах Ульриха фон Поттенштейна и Иоанна из Воднян (*Johán z Vodňan*). Первый написал объемный катехизис, в который включил отрывки из *Cum dormirent homines*, переведя их на немецкий язык. Вялимяки, принимая мнение Габриеля Баптист-Хлавачя, предполагает, что написание работы Поттенштейна заняло отрезок с 1395 и до 1411/12 гг. Как отмечает исследователь, подход Поттенштейна к вальденсам, в целом, коррелирует с практикой Цвикера. Так, Поттенштейн не демонизирует еретиков, рассматривая их скорее как отступивших от Церкви. Для него, как и для Цвикера, вальденсы скорее антиклерикальное и антицерковное движение,

нежели метафизическая альтернатива, вроде монофизитства. Поэтому относящиеся к вальденсам части катехизиса несут практическую цель, показывая широкому кругу читателей, с какими заблуждениями те могут столкнуться и почему эти заблуждения являются заблуждениями. Рассматриваемый Вялимяки нарратив Иоанна из Воднян представляет собой компиляцию постилл, которые, как указывает сам их автор, были прочитаны перед мирянами. Особое внимание в этих проповедях Иоанн уделяет испорченности церкви, злоупотреблениям клира и, чтобы подчеркнуть свою приверженность ортодоксальной церкви и избежать обвинений в ереси, он также дополняет свои проповеди атаками на вальденсов. Исследователь отмечает, что и здесь вальденсы рассматриваются как лжепророки, а сам Иоанн, при перечислении их ошибок, неотступно следует за *Articuli Waldensium*. Также Вялимяки обращает внимание на тот факт, что для риторики Иоанна не характерна демонизация вальденсов, они, как и в более ранних случаях, выступают сугубо как отклонившиеся от истинной Церкви индивиды.

В пятой главе, исследователь пытается ввести работы Цвикера в более общий контекст религиозной полемики периода Великой Западной схизмы. Прежде всего, Вялимяки обращает внимание на ту роль, которую могли играть антиеретические сочинения Цвикера в широкой полемике о поклонении Деве Марии на рубеже XIV–XV вв. В связи с одобрением Урбаном VI в 1389 г. праздника Посещения Марией Елизаветы, в среде религиозных интеллектуалов вновь обострились споры о границах поклонения святым и идолопоклонничества. Вялимяки указывает, что хотя Цвикер вряд ли мог знать аргументы и обвинения основных критиков «чрезмерного» поклонения Пресвятой Деве (например, уже упоминавшегося Мацея из Янова), его антивальденские трактаты могли играть значительную роль в этой полемике, поскольку сам Цвикер строго следовал ортодоксальной точке зрения. Озабоченность Цвикера статусом священства, как аргументировано доказывает Вялимяки, базировалась на отстаивании сакрального статуса священства (*sacerdotium*), и в гораздо меньшей мере Цвикер был склонен критиковать злоупотребления современного ему клира. В этом отношении, инквизитор также оказывается втянут в более широкую канву антидонатистского дискурса, активизировавшегося в связи

с Великой Западной схизмой. Цвикер, как отмечает Вялимяки, был склонен разделять *dignitās* (достоинство, сан) и *sānctitās* (святость) в отношении духовенства, полагая, что первое дает преимущество любому, даже прелюбодействующему священнику, перед любым благочестивым мирянином. Исследователь увязывает эту традицию с известным в Центральной Европе трактатом *Stella clericorum* («Звезда священников»), в котором прослеживается идея того, что даже через испорченных клириков может передаваться благодать Божья в силу ее необычайной мощи и достоинства духовенства в целом. Таким образом, ученый склонен полагать, что широкая полемика о церковном достоинстве, достигшая и Констанца, подрывала церковную иерархию и прочно ассоциировалась с вальденсами, далее экстраполируясь на лоллардов и гуситов (хотя ни Уиклиф, ни Гус не занимали донатистских позиций), поскольку предлагала наличие добродетели для занятия духовного сана и ставила первую выше последней. Для Цвикера и для его трактатов также характерна убежденность в древнем единстве Церкви, которое противопоставляется краткой истории и разобщенности вальденсов — оба этих аргумента являются частью обширного антиеретического дискурса Высокого и Позднего средневековья, акцентирующих внимание на перманентной полемике между различными еретическими сектами, а также на гордыне, которую высказывают еретики, называя себе избранными.

В обширных приложениях, автор детально сравнивает исследованные им рукописи трактатов Цвикера, проводя строгий кодикологический анализ.

Итак, Вялимяки отмечает на примере трактатов Цвикера стремление позднесредневековых интеллектуалов к преодолению раскола путем возвращения отпавших в лоно Матери-Церкви (процесс, названный ученым «пасторализацией ереси»). Это предполагало отход от привычной демонизации еретиков и внимание к их доктринальным заблуждениям. Новаторское исследование Вялимяки, безусловно, значимое явление в историографии позднесредневековых ересей. Тщательное изучение рукописных текстов позволило ученому по-новому взглянуть на ряд устоявшихся концепций, широкая источниковая база исследования позволила вписать работы Цвикера в более широкую и неоднородную полемическую

среду позднесредневековой религиозности и показать их значимость для мирян и духовенства Центральной Европы.

Информация о статье

Пионтковский, А. В. Ересь и религиозное сознание сквозь призму одного человека. Новая биография Петера Цвикера: *Välimäki R. Heresy in Late Medieval Germany: The Inquisitor Petrus Zwicker and the Waldensians* (Woodbridge, 2019), В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2019. Вып. 5 (2). С. 139–156.

Андрей Валерьевич Пионтковский, аспирант, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5)

Kalter160993@yandex.ru

УДК 273

Данная рецензия посвящена рассмотрению основных выводов, к которым пришел финский медиевист Р. Вялимаки в своей недавней монографии. Путем тщательного анализа текста, автор убедительно доказывает, что трактаты *Cum dormirent homines* и *Refutatio errorum* принадлежат перу Петера Цвикера, более того, современниками они воспринимались как единое целое. Исследователь также рассматривает влияние, которое оказывали работы Цвикера на процесс инквизиционного дознания, отмечая переход от дознания организационной структуры еретиков к стремлению ближе познакомиться с доктринальными заблуждениями еретиков, в котором роль Цвикера была значительной. Ученый связывает это с общим религиозным контекстом Европы в период Великой Западной схизмы, когда образованные миряне с большим рвением относятся к доктринальной составляющей католической Церкви.

Ключевые слова: Ереси, Вальденсы, Великая Западная схизма, странствующие инквизиторы, Петер Цвикер

Information on the article

Piontkovsky, A. V. Heresy and religious consciousness through the prism of one human being. New biography of Peter Zwicker: *Välimäki R. Heresy in Late Medieval Germany: The Inquisitor Petrus Zwicker and the Waldensians* (Woodbridge, 2019), in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2019. Vol. 5 (2). P. 139–156.

Andrei Valerievich Piontkovsky, graduate student, Institute of History, Saint-Petersburg State University (199034, Rossiya, Sankt-Peterburg, Mendeleevskaya liniya, 5)

Kalter160993@yandex.ru

This review is devoted to consideration of the key derivations, which was reached by Finnish medievalist Reima Välimäki in his recent monograph. Through scrutinized analysis of the text, the author persuasively proves that the treatises *Cum dormirent homines* and *Refutatio errorum* belong to pen of Peter Zwicker. Furthermore, the contemporaries recognized of these as the one unit. The researcher also regards the impact, which the Zwicker's treatises had to the inquisition inquest process, noticing the transition from the investigation of the organization of heretics' communities to the enquiry of the doctrinal fallacies of the ones. This process was directly related with the prominence of the treatises of Peter Zwicker. The value of Zwicker's works is considerable, since they mirrored the overall context of the religion outlook of Europe in the period of the Great Western Schism, which characterized by the much more eagerness of the educated laymen to insight of the catholic doctrines.

Key words: Heresy, Waldenses, Great Western Schism, itinerant inquisitors, Peter Zwicker

Список источников и литературы

Biller, P. The Waldenses, 1170–1530: Between a Religious Order and a Church. Aldershot: Ashgate, 2000. 320 p.

Gordon, L. *Heresy in the Later Middle Ages: The Relation of Heterodoxy to Dissent, c. 1250 – c. 1450.* Vol. 2. London: Manchester University Press, 1999. 800 p.

Modestin, G. The Anti-waldensian Treatise *Cum dormirent homines*: Historical Context, Polemical Strategy, and Manuscript Tradition, in: *Religious controversy in Europe, 1378–1536. Textual transmission and networks of readership* / Ed. by M. van Dussen, P. Soukup. Turnhout: Brepols, 2013. P. 211–231.

Kieckhefer, R. Repression of Heresy in Medieval Germany. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1979. 161 p.

Prudlo, D. A Companion to Heresy Inquisitions. Leiden, Boston: Brill. 2019. 324 p.

Smelyansky E. Self-Styled Inquisitors: Heresy, Mobility, and Anti-Waldensian Persecutions in Germany, 1390–1404. PhD. University of California. 2015.

Smelyansky, E. Urban Order and Urban Other: Anti-Waldensian Inquisition in Augsburg, 1393, in: *German History.* 2016. Vol. 34. No 1. P. 1–20.

Välimäki, R. Heresy in Late Medieval Germany: The Inquisitor Petrus Zwicker and the Waldensians. Woodbridge: York Medieval, 2019. 335 p.

References

Biller, P. The Waldenses, 1170–1530: Between a Religious Order and a Church. Aldershot: Ashgate. 320 p.

Gordon L. *Heresy in the Later Middle Ages: The Relation of Heterodoxy to Dissent, c. 1250 – c. 1450*. London 1999. 2 Vol. 800 p.

Modestin, G. The Anti-waldensian Treatise Cum dormirent homines: Historical Context, Polemical Strategy, and Manuscript Tradition, in: van Dussen, M., Soukup, P. (Ed.) *Religious controversy in Europe, 1378–1536. Textual transmission and networks of readership*. Turnhout: Brepols, 2013. P. 211–231.

Kieckhefer, R. *Repression of Heresy in Medieval Germany*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1979. 161 p.

Prudlo, D. (Ed.) *A Companion to Heresy Inquisitions*. Leiden, Boston: Brill, 2019. 324 p.

Smelyansky E. *Self-Styled Inquisitors: Heresy, Mobility, and Anti-Waldensian Persecutions in Germany, 1390–1404*. PhD. University of California. 2015.

Smelyansky, E. Urban Order and Urban Other: Anti-Waldensian Inquisition in Augsburg, 1393, in: *German History*, 2016. Vol. 34, No 1. P. 1–20.

Välämäki, R. *Heresy in Late Medieval Germany: The Inquisitor Petrus Zwicker and the Waldensians*. Woodbridge: York Medieval, 2019. 335 p.